



Т.В. Бахвалова

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

СЕВЕРНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА В ОРЛОВСКИХ ГОВОРАХ

Статья посвящена описанию своеобразия живых орловских говоров южного наречия, создаваемого севернорусской лексикой, которая сохранилась в речи потомков помещичьих крестьян, вывезенных в прошлом из северных губерний России и компактно проживающих на Орловщине. Показана специфика словарного состава в отдельных населенных пунктах: функционирование диалектных слов северного ареала, разнообразие их тематической отнесенности (жилые строения, отопление, домашние животные, одежда).

Южное наречие, орловские говоры, диалектная лексика.

В составе лексики орловских говоров, входящих в южное наречие, особую группу составляют лексические единицы, употребляющиеся на Орловщине и известные в северных говорах.

Этнографы, лингвисты не раз отмечали, что в формировании этнического состава населения Орловского края немалую роль сыграли переселенцы из разных мест России, в том числе и с северных территорий. Так, А. Соболевский писал: «Мы не в состоянии сказать, откуда именно прибыли на берега Оки и далее окающие и цокающие переселенцы. Можно не сомневаться в одном: они прибыли не сухим путем, а по Оке, скорее всего из северо-западных притоков Волги» [7, с. 230]. Д.К. Зеленин, говоря о служилом населении, замечает: «Были, конечно, в военнослужилом степном сословии и... выходцы с севера Руси» [1, с. 48].

Не только многие вольные переселенцы, служилые люди, но и крепостные крестьяне по своему исконному месту жительства были северянами. В XVIII в. помещики переселяли сюда, на земли Орловщины, в свои новые владения, крепостных крестьян из северных поместий.

Потомки помещичьих крестьян, вывезенных из северных губерний России, проживают на территории Глазуновского, Кромского, Малоархангельского, Орловского и Свердловского районов Орловской области. Эта группа, являющаяся частью этнического состава Орловщины, до сих пор сохранила следы своей прежней территориальной принадлежности, что объясняется прежде всего более поздним, по сравнению с другими этническими группами, временем ее переселения на южные земли, а также компактностью проживания. Здесь наблюдаются особенности в характере застройки улиц, в планировке личной усадьбы и др. Старожилы хорошо помнят былые отличия в одежде, домашней утвари, некоторых обрядах. В говорах переселенцев, несмотря на южнорусское окружение, сохраняется немало особенностей, свойственных говорам Русского Севера.

Сочетание южнорусских и севернорусских черт обнаруживается как на фонетическом и грамматическом уровнях, так и в лексической системе говоров.

Показательно в этом плане сравнение говоров близлежащих селений, в одном из которых живут потомки переселенных сюда в прошлом крестьян из северных губерний. По свидетельству старожилов, деревня Каменка Малоархангельского района, наряду с близлежащими селениями Куракино (село получило название по имени владельца – князя А.Б. Куракина), Алексеевка, Кубань, была подарена Петром I князю Куракину за хорошую службу. Князь Куракин переселил сюда крепостных крестьян из Владимирской, Тверской и Вологодской губерний. Поселенные на берегу реки, крестьяне стали возводить дома, хозяйственные постройки из камней, которыми была загромождена протекающая здесь Каменка (ИТС, с. 128). Отсюда и название деревни – Каменка.

В облике, характере застройки деревни до сих пор есть то, что отличает ее от соседних деревень, где слышится типичный южнорусский говор (например, с. Дубовик). Так, дома в д. Каменке обращены фасадом к дороге. Перед домом – палисадник, где растут березы. Уже одно это напоминает типичную северную деревню с березами, тополями в палисаднике перед окнами. Кстати, такой же характер застройки удалось нам наблюдать и в д. Роговке Глазуновского района, где произносятся [z] взрывной и где отсутствует смягчение конечного согласного в формах глаголов 3-го лица.

Информативно сравнение функционирования отдельных лексических единиц в д. Каменке и с. Дубовик, показывающее своеобразие словарного состава в отдельных населенных пунктах Орловщины.

В речи жителей д. Каменки для обозначения жилой постройки используются слова *изба* и *хата*, но существительное *изба* употребляется намного реже, к тому же в основном в речи жителей преклонного возраста. В с. Дубовик слово *изба* не употребляется, хотя, безусловно, известно его жителям. В пассивном запасе у

жителей с. Дубовик и существительное *хоромина*, которое в соседней Каменке активно используется при обозначении большого крестьянского дома.

Северные черты проявляются также в архитектурном облике крестьянской избы: в д. Каменке, по словам старых жителей, крыши возводили тесовые двускатные. Такая форма крыши свойственна срубным сооружениям на севере Европейской части России. «Огромные северные дома ставились на высокомо подклете, перекрывались двускатной тесовой крышей...» – отмечается в историко-этнографическом атласе «Русские» [6, с. 7]. Иной архитектурный тип имело жилое строение в с. Дубовик: крыши здесь строили четырехскатные, обычно их покрывали соломой *внатруску*, сверху солому крепили жердями, связанными попарно. Известны и крыши *пеленой* – *Абайдутъ ат карнизъ рядовъ нескѣлькѣ пучками, а патом ураброс, ну пучки развязывють*. Такой тип жилища был характерен для южнорусских черноземных губерний, где «прямые и широкие улицы... были образованы рядами низких рубленых изб под четырехскатными, почти всегда соломенными крышами...» (Там же).

Важной архитектурной деталью русской крестьянской избы является крыльцо. Эта часть жилища в д. Каменке обозначалась существительным *мост*, широко известным в значении ‘крыльцо’ преимущественно в северных говорах: Ярослав., Волог., Арх., Костром., Влад., Вят., Перм. и др. (СРНГ, вып. 18, с. 287). Жителям соседнего села Дубовик данное существительное не известно.

Отличия в номинации одних и тех же реалий в соседних населенных пунктах касаются прежде всего предметов, относящихся к окружающему крестьянскому быту.

Типичной особенностью крестьянского жилища является русская печь. Площадка перед устьем русской печи в литературном языке обозначена словом *шесток* (ССРЛЯ, т. 17, с. 1380). В таком значении это существительное широко употребляется и в северных говорах. Зафиксировано оно и в д. Каменке Малоархангельского района, а также в Глазуновском, Свердловском районах Орловской области, т.е. в районах, где живут потомки переселенцев с севера. Широко известным, наиболее употребительным для обозначения площадки перед устьем русской печи в орловских говорах, как и в других южнорусских говорах, являются существительные *загнѣтка*, *загнѣтка* – *Нѣ загнетку ставили кастрюли, чугуны горячи. Нѣ загнѣткѣх чугунки, плошки стаяли*.

От существительных *шесток* и *загнѣтка*, называющих в разных населенных пунктах одну и ту же реалию, образованы существительные с одинаковым значением: *подшѣсток* (д. Каменка) и *подзагнѣтка* (с. Дубовик) ‘место под шестком русской печи; подпечек’.

Следует отметить, что степень употребительности той или иной лексической единицы в говорах обычно влияет на объем ее словообразовательного гнезда. В орловских говорах, где слово *загнѣтка* известно практически повсеместно, наряду со словом *подзагнѣтка* употребляются также *подзагнѣтник*, *подзагнѣток* – *Взьми пади веник в пѣдзагнетнике. Рагач у пѣдзагнетку лижыть* (СОГ, вып. 10, с. 46). Небезын-

тересно, что в других говорах южного наречия зафиксированы и другие однокоренные производные с таким же значением: *подзагнѣт*, *подзагнѣта*, *подзагнѣтина*, *подзагнѣть* (СРНГ, вып. 28, с. 254). В северных же говорах распространенными оказываются производные от слова *шесток*: *подшѣсток*, *подшѣсток*, *подшѣсточе* (СРНГ, вып. 28, с. 254), *подшѣсток*, *подшѣсточник* (СВГ, т. 7, с. 117) и др., однако в орловских говорах данные слова не представлены.

Слово *шесток* известно жителям с. Дубовик, но здесь оно, являясь производным от слова *шест* ‘длинная палка, жердь’, употребляется в ином, по сравнению с д. Каменкой, значении: ‘жердь, палка, прикрепленная с обеих сторон веревками к потолку около русской печи со стороны устья для сушки полотенец, кухонных тряпок и т.п.’

В крестьянском доме, кроме русской печи, часто была еще одна печь – из кирпича, с лежанкой или без нее, с плитой или без плиты. В говорах Орловщины для обозначения такого вида обогревательных печей широко используются слова *грубка*, *груба* – *Зимой тапили и печку, и групку. У пецке варили скатине, а групку тапили, штоп тило была. Груба – еть хѣрашо; и мѣсть малъ зьнимаить, и тягло у хати* (СОГ, вып. 3, с. 28). По данным «Словаря русских народных говоров», это существительное в значении ‘кирпичная (иногда изразцовая) печь для отопления’ известно курским, орловским, калужским, тульским, воронежским и другим южным говорам (СРНГ, вып. 7, с. 156). Отсутствие его в речи жителей д. Каменки, на юге Орловской области, свидетельствует о том, что говор этого населенного пункта отличается от типичных южнорусских говоров.

Не зафиксировано в говоре названной деревни и существительное *мазанка*, повсеместно употребляемое в говорах разных районов Орловской области в значении ‘хозяйственное строение (амбар, сарай) из мелкого леса, обмазанного глиной’ – *Мазанкѣ у нас за домѣм пастроина. Выняси мяшок с тианицѣй у мазанку*. Слово известно во многих южнорусских говорах (СРНГ, вып. 17, с. 293).

Не употребляется старожилами Каменки южнорусское слово *закута* как обозначение помещения для скота. Распространение этого слова в южновеликорусских говорах отмечал С.И. Котков в «Очерках по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков» [2, с. 144]. Широкий южный ареал данного слова в живых говорах подтверждают и материалы «Словаря русских народных говоров» (СРНГ, вып. 10, с. 180). Тожественным по значению существительному *закута* в д. Каменке является слово *клев* – *Кагда малинькии, пѣрасята, па двое в клеву сидят*. Существительное *клев* широко распространено в северных говорах (СРНГ, вып. 13, с. 269). На территории Орловской области оно зафиксировано преимущественно в районах, где живут потомки переселенцев с севера: в Глазуновском, Кромском, Малоархангельском, Хотынецком (СОГ, вып. 5, с. 41).

Севернорусские черты в д. Каменке обнаруживаются и в названиях животных, в названиях одежды и других группах лексики.

Домашние животные, как и человек, всегда характеризовались с самых разных сторон: по внешнему

виду, по возрасту, по характеру, по аппетиту и т.д. Каждое животное ценилось прежде всего по тем особенностям, ради которых оно содержалось человеком. Ценность коровы определялась ее способностью давать много молока. В Каменке о дойной корове говорили *дойлая* – *У ней нынчи гот даилъя карова*. По своим семантическим и словообразовательным связям это прилагательное соотносится с севернорусскими словами: глаголом *доить* ‘давать молоко’ (СВГ, т. 2, с. 37), прилагательным *дойкий* ‘корова, дающая много молока’ арх. (СРНГ, вып. 8, с. 95). В других населенных пунктах Орловщины прилагательное *дойлая* не зафиксировано.

По отношению к бодливой корове в Каменке скажут *бодучая*, тогда как в других орловских говорах такую корову назовут *брухачей*, *брухучей*, *брухачкой*, *колочей*, *колочкой*, т.к. она *брухается*, *колется*, – *Каровъ хто скажыть брухачица, хто – бадаитца. Наша каровъ колитца, бадаитца*. Заметим, что соответствующие производящие диалектные слова *брухать*, *брухаться*, *колоть*, *колоться* ‘бодать (о корове)’, ‘бодаться (о корове)’ очень широко распространены в южных, особенно в восточных, говорах южного наречия (СРНГ, вып. 3, с. 211; вып. 24, с. 189–190).

Неотъемлемой частью материальной культуры народа является одежда. На протяжении столетий она может сохранять древние черты в покрое, украшениях, отдельных деталях. Вместе с одеждой живут и названия ее видов, деталей. Различие в одежде крестьян разных регионов особенно наглядно проявлялось в женской одежде. Традиционно в женской одежде этнографы выделяют два типа костюма: севернорусский и южнорусский. Переселяясь с одной территории на другую, крестьяне сохраняли привычную для них одежду, особенности кроя, украшений. Неслучайно в речи женщин преклонного возраста в д. Каменке немало слов северных по своему ареалу: они еще помнят ту старинную одежду, которую носили их родители и они сами в молодости – *Сърафаны халищевыи шыли, в талию, чёрнвъ цветъ с вышитой грудью*. Известно, что «в северных областях были повсеместно распространены сарафаны, в южных преобладали панёвы» [5, с. 204]. На севере «сарафан наряду с рубахой был основным элементом женского и девичьего костюма» [3, с. 248].

Сарафаны в Каменке украшали тесьмой, разноцветными полосками, называемыми *гантай* – *Гантай – кантики такя, нь базаръх пькупались*. В Словаре русских народных говоров представлены разные варианты этого существительного: *ганта*, *гантай*, *гонтай* ‘шнурок, на котором носят нательный крест’. Географические пометы свидетельствуют о преимущественном употреблении их в северных говорах (СРНГ, вып. 7, с. 12; вып. 6, с. 135). Перечисленные слова, в свою очередь, являются вариантами существительного *гайтán*, известного в литературном языке в значении ‘плетеный шнурок или тесьма’ (ССРЛЯ, т. 3, с. 20) и в северных говорах в значении ‘украшение в виде ленты, тесьмы, цепочки и т.п.’ (СРНГ, вып. 6, с. 101).

Для украшения сарафана нередко использовались пуговицы, которые пришивались по переду. Их в

Каменке называли *костяшками* – *Кастяшки атец из горьда привазил*. В других говорах Орловщины данное слово не отмечено. В «Словаре русских народных говоров» существительное *костяшка* ‘пуговица’ представлено как олонецкое, псковское, уральское, пензенское (СРНГ, вып. 15, с. 90).

Обязательным элементом одежды крестьянок была нижняя рубаха, сшитая из домотканого холста. Из такой ткани шили и платья, и блузки – *домоткánки*. «*Ситецъ патом пькупать стали, а сначала были дьматканки. Раньши дьматканки насили, сами шыли*», – рассказывает жительница Каменки. Нельзя не отметить, что существительное *домоткánка* ‘рубашка или кофта, сшитая из домашнего холста, окрашенного тоже домашним способом’ имеет северный ареал: в «Словаре русских народных говоров» в указанном значении оно содержит помету Волог. Интересно обратить внимание на дату фиксации слова: 1895–1896 (СРНГ, вып. 8, с. 123). В живых севернорусских говорах это существительное не употребляется, о чем свидетельствуют материалы диалектных словарей. В них представлены только однокоренные с указанным существительным слова: *домоткánник*, *домоткánница* ‘ткань домашнего изготовления, а также изделия из этой ткани’ (СВГ, т. 2, с. 45); *домоткánина*, *домоткánинка*, *домоткánь* ‘ткань домашней работы, вытканная домашним, кустарным способом’, *домоткánница*, *домоткánье* ‘домотканая одежда’ (СРГК, вып. 1, с. 484), *домоткánина* ‘ткань домашней работы’, *домоткánник*, *домоткánец* ‘домотканый сарафан’ (СГРС, т. 3, с. 251).

Как видим, здесь, на территории Орловщины, в речи потомков переселенцев с севера слово *домоткánка* сохранилось намного дольше, чем в «материнских» севернорусских говорах.

То же самое можно сказать о прилагательном *клёванный* ‘покрытый оспинами, рябой’, представленном в «Словаре русских народных говоров» как владимирское (1905–1921) и пермское в сочетании *клёванный* оспой (1930) (СРНГ, вып. 13, с. 269). В живых говорах д. Каменки данное прилагательное довольно широко употребительно в указанном значении – *Малый страшный, клёвнный*.

Таким образом, в лексике говора д. Каменки, где живут потомки переселенцев с севера, до сих пор сохраняются лексемы, свойственные севернорусским говорам. Контакт с населением соседних сел – носителями южнорусских говоров – не мог не отразиться на лексической системе говора деревни: число лексем северного ареала здесь относительно невелико; сохранившиеся лексемы связаны с повседневным бытом, трудом, обозначают традиционные, наиболее важные для человека понятия; сфера употребления таких слов – преимущественно речь людей преклонного возраста.

Говор д. Каменки можно охарактеризовать как сочетание локальных и региональных языковых отличий. По мнению А.Т. Хроленко, «локальное несходство обнаруживается при сопоставлении материала, сбор которого осуществляется на сравнительно близко расположенных друг от друга территориях». Если же «речь идет о различиях регионального характера, то учитываются территории, более далеко отстоящие

друг от друга» [8, с. 208]. В данном случае локальные различия – это черты северных говоров, сохранившиеся в Каменке и отличающие их от говоров соседних населенных пунктов с типичным говором южного наречия (например, с. Дубовик). Региональные же отличия, выявляющиеся при сопоставлении с северными говорами, – это прежде всего особенности южного наречия, свойственные речи жителям д. Каменки.

Наличие «островных» говоров, свойственных потомкам переселенцев с Русского Севера, – один из факторов, создающих пестроту лингвистического ландшафта говоров Орловщины.

Об особенностях развития говоров подобных компактных этнических подразделений очень точно сказал Г.Г. Мельниченко: «Каждая из таких групп, оседая на новом месте, во-первых, надолго сохраняла свои прежние языковые особенности...; во-вторых, могла что-то утратить из того, что объединяло ее с другими группами генетически или территориально связанными с нею в прошлом; в-третьих, ...могла создавать новые элементы в своей речи...; в-четвертых, могла также что-то усвоить из речи соседних... племен» [4, с. 19].

Уникальность, неповторимость лингвистического пространства орловских говоров создавалась в течение многих веков. В лексике, как наиболее динамичной и зависимой от экстралингвистических факторов структурной составляющей говоров, отразились особенности сложного социально-исторического и культурного развития орловского края.

Источники

ИТС – Полухин, О. В. Историко-топонимический словарь Малоархангельского уезда / О. В. Полухин, Т. В. Майорова. – Орел : Изд. дом «Орлик», 2017. – 368 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров / редакторы: Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. – Т. 1–12. – Вологда : Русь, 1983–2007.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под редакцией А. К. Матвеева. – Т. 1–7. – Москва; Ленинград, 2001–2018 (издание продолжается).

СОГ – Словарь орловских говоров / редактор Т. В. Баквалова. – Вып. 1–17. – Ярославль, Орел, 1989–2016 (издание продолжается).

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / главный редактор А. С. Герд. – Вып. 1–6. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – Вып. 1–51. – Ленинград; Санкт-Петербург : Наука, 1965–2019 (издание продолжается).

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. – Т. 1–17. – Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950–1965.

Литература

1. Зеленин, Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением задненёбных согласных в связи с течением позднейшей великорусской колонизации / Д. К. Зеленин // ОРЯС ИАН. – Санкт-Петербург, 1913. – 544 с. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/zeleninvel/text.pdf> (дата обращения 27.05.2021). – Текст : электронный.

2. Котков, С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков / С. И. Котков. – Москва, 1970. – 320 с.

3. Крылова, О. Н. Наименования сарафана в севернорусских говорах / О. Н. Крылова // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1998. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 248–253.

4. Мельниченко, Г. Г. Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – начала XIII в. (территория, распространение, семантика, словообразование) / Г. Г. Мельниченко. – Ярославль, 1974. – 270 с.

5. Русская диалектология / под редакцией Н. А. Мещерского. – Москва, 1972. – 266 с.

6. Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма (украшение крестьянских домов и одежды) середина XIX – начало XX в. – Москва, 1970. – 208 с.

7. Соболевский А. Заметки в области русской диалектологии / А. Соболевский // РФВ. – Варшава, 1906. – Т. LVI. – С. 218–233.

8. Хроленко, А. Т. Лингвофольклористика. Листая годы и страницы / А. Т. Хроленко. – Курск : Курский государственный университет, 2008. – 229 с.

T.V. Bakhvalova

NORTHERN RUSSIAN VOCABULARY IN THE OREL DIALECTS

The article describes the originality of the Orel dialects based on Northern Russian vocabulary which has been preserved in the speech of the descendants of landowners' peasants who once came from the northern provinces of Russia and densely resided in the Orel region. The following specificities of the vocabulary in certain settlements are shown: functioning of the northern dialect words, variety of the thematic groups (housing, heating, domestic animals, clothes).

Southern dialects, Orel dialects, dialect words.